

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

УДК 94(47).084.6

П.А. Рыбаков

Московский финансово-юридический университет МФЮА,
115191 г. Москва, Российская Федерация

Коллективизация и раскулачивание в Калужском крае в 1930 г. (на материалах Калужского округа Московской области)

Сегодня в российской исторической науке сохраняется повышенный интерес к сложной и драматичной эпохе социалистической модернизации страны в 1920–1930-е гг., одним из направлений которой являлась политика массовой коллективизации сельского хозяйства. Однако несмотря на значительные результаты, достигнутые отечественными исследователями в изучении коллективизации, рассмотрение многих ее аспектов, особенно на региональном уровне, остается недостаточным и фрагментарным. Это касается и Калужского края. В статье на основе сведений опубликованных документов, архивных источников, материалов прессы освещается политика коллективизации и раскулачивания в Калужском округе Московской области на ее начальном этапе. Показываются масштабы коллективизации и раскулачивания в данном регионе, их методы. Особое внимание уделяется рассмотрению протестного движения крестьян в Калужском округе, раскрываются его масштабы и основные формы. Отмечается, что по количеству крестьянских выступлений зимой-весной 1930 г. Калужский округ был в числе «лидирующих» по Московской области. Также освещаются основные мероприятия партийных организаций округа по исправлению

© Рыбаков П.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

допущенных ошибок и перегибов. В заключение подводятся итоги коллективизации в Калужском крае к концу лета 1930 г.

Ключевые слова: коллективизация в Калужском округе, раскулачивание крестьянства, колхозы, насилие против крестьян, крестьянское сопротивление, исправление перегибов при коллективизации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбаков П.А. Коллективизация и раскулачивание в Калужском крае в 1930 г. (на материалах Калужского округа Московской области) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 23–36. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

P.A. Rybakov

Moscow University of Finance and Law MFUA,
Moscow, 115191, Russian Federation

Collectivization and dispossession in the Kaluga region in 1930 (a case study of the Kaluga district of the Moscow region)

Today, Russian historical science continues to show a heightened interest in the complex and dramatic era of the country's socialist modernization in the 1920s and 1930s, one of the key aspects of which was the policy of mass collectivization of agriculture. However, despite the significant results achieved by Russian researchers in the study of collectivization, the examination of many of its aspects, especially at the regional level, remains insufficient and fragmentary. This also applies to the Kaluga region. The article, based on information from published documentary collections, archival sources, and press materials, highlights the policy of collectivization and dispossession in the Kaluga District of the Moscow Region at its initial stage. The scale of collectivization and dispossession in this region and their methods are shown. Particular attention is paid to the examination of the protest movement of peasants in the Kaluga district, revealing its scale and main forms. Moreover, in terms of the number of peasant

uprisings in the winter and spring of 1930, the Kaluga District was among the “leaders” in the Moscow Region. The main activities of the district’s party organizations to correct the mistakes and excesses committed are also covered. In conclusion, the results of collectivization in the Kaluga region by the end of the summer of 1930 are summed up.

Key words: collectivization in the Kaluga district, violence against peasants, dispossession of the peasantry, collective farms, peasant resistance, correction of excesses during collectivization

FOR CITATION: Rybakov P.A. Collectivization and dispossession in the Kaluga region in 1930 (a case study of the Kaluga district of the Moscow region). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 23–36. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

Тема коллективизации, ее причин, этапов, результатов и последствий – одна из самых востребованных в современной историографии. Однако исследований, посвященных коллективизации в Калужском крае, совсем немного. В 1967 г. вышли «Очерки истории Калужской организации КПСС», в которых отдельная глава посвящена деятельности Калужской партийной организации в 1920–1930-е гг., в т.ч. в период коллективизации [1]. Авторы «Очерков», не выходя кардинально за рамки общепринятой концепции коллективизации, указали на сложности, которые возникали в ходе социалистического переустройства деревни, выявили некоторые недостатки колхозного строительства на его начальном этапе, осветили мероприятия партийных организаций края по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Однако в целом вопросы, посвященные коллективизации, носят обзорный и описательный характер, содержат определенные стереотипы и традиционные подходы к поставленным проблемам.

В новейшей российской историографии проблеме коллективизации в Калужском крае посвящена только статья И.Б. Беловой [2]. В ней автор, опираясь на региональные архивные материалы, рассмотрела особенности и масштабы коллективизации в Калужском округе в 1930 г., основные методы ее проведения, упомянула некоторые формы крестьянского протеста. Однако в статье не освещены вопросы, связанные с раскулачиванием крестьянских хозяйств, масштабы противодействия крестьян политике насильственной коллективизации. Некоторые сведения о ходе коллективизации в Калужском крае содержатся в монографии Е.А. Кирьяновой, посвященной аграрным преобразованиям в Центральном регионе страны на рубеже 1920–1930-х гг. [3].

12 июля 1929 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О составе округов и районов Московской области и ее центрах», которое предусматривало образование на ее территории 10 округов, в числе которых был и Калужский округ. Сам округ включал 9 районов [6, с. 10–11].

На 1 января 1930 г. в Калужском округе было коллективизировано 6% крестьянских хозяйств¹. 5 января 1930 г. Президиум Калужского окрисполкома принял постановление о завершении сплошной коллективизации трех районов (Бабынинского, Малоярославецкого и Перемышльского) к предстоящей весенней посевной кампании 1930 г., а всех остальных районов округа – к весне 1931 г. [2, с. 451]. Однако вскоре эти планы были пересмотрены. 3 февраля 1930 г. Калужский окружком ВКП(б) принял постановление о сплошной коллективизации всего округа к 1 марта 1930 г. [Там же].

После этих решений во всех районах округа началась нездоровая «погоня» за высокими процентами коллективизации. Так, Черепетский райком партии принял решение коллективизировать район уже к 20 февраля. На обсуждение пленума райкома вопрос этот не ставился и совершенно не обсуждался в советских органах. Некоторые партийные ячейки, получив директиву райкома, решили сроки сократить до 17 февраля... Предварительная массовая подготовительная работа, мобилизация батрацко-бедняцких масс вокруг лозунгов коллективизации отсутствовала. Аналогичное положение было в Бабынинском, Детчинском, Угодско-Заводском, Калужском и других районах². Как создавались колхозы, можно представить по следующим примерам. В селе Гордиково Перемышльского района колхоз организовался поднятием рук. Желавших было 36 хозяйств, а представитель райисполкома авторитетно заявил: «Раз у вас 36 хозяйств за колхоз, то считайте себя все колхозниками». В селе насчитывалось 150 дворов и больше половины из них не было на собрании³. В деревне Воронино Бабынинского района запись в колхозы производилась путем обхода по дворам. Записывали: кто «за» и кто «против» колхоза. Смысл второй записи был примерно таков: если ты против колхоза, значит ты против мероприятий советской власти. Понятно, что все записывались в первый раздел⁴. В деревне Булгаково Калужского района вопрос об организации колхоза во время голосования был поставлен так: «Кто против колхоза?» Ни одна рука

¹ В погоне за большой цифрой // Рабочая Москва. 1930. № 59 (2273). 12 марта.

² Там же.

³ Козлов А. Извлечь политический урок // Коммуна. 1930. № 77 (3456). 19 марта.

⁴ «Мы все можем», «нам все нипочем!» // Там же. № 73 (3452). 15 марта.

не поднялась. После этого докладчик безапелляционно заявил: «Поздравляю вас с колхозом»⁵.

В целях ускорения коллективизации местные работники позабыли о принципе добровольности и широко прибегали к нажиму и угрозам. В деревне Новоскаковское Калужского района организатор колхоза В. Диков вместо разъяснительной работы запугивал крестьян, заявляя им: «Если вы не пойдете в колхоз, то мы вас загоним туда, куда и кулаков»⁶. Во Фроловском сельсовете того же района бригадир Макеев при организации коллектива заявил крестьянам: «Кто не войдет в колхоз в течение трех дней, того будут выселять»⁷. В Дольском сельсовете Детчинского района бригадиры запугивали женщин, которые не шли в коммуну, говоря им: «Если вы не пойдете в коммуну, то ваших мужей снимут с производства, а вас выселят из деревни»⁸.

Широко использовались и аресты несогласных сельчан. Так, секретарь Малоярославецкого райкома ВКП(б) при посылке членов партии в деревню предлагал им не останавливаться перед арестом «мешающих проводить коллективизацию» [7, с. 323]. По сведениям секретаря Калужского окружкома партии Н.М. Блинова, озвученным им на совещании секретариата МК ВКП(б) 19 февраля 1930 г., в округе было арестовано 912 человек⁹. О том, что незаконные и беспорядочные аресты крестьян на местах получили широкий размах, в т.ч. и в изучаемом регионе, отмечал даже заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода [Там же, с. 105].

Весьма распространенным явлением было лишение избирательных прав. Например, только в Угодско-Заводском районе за 2–3 недели были лишены избирательных прав свыше 300 чел., из них 250 – незаконно [1, с. 219]. Так, в деревне Огубь был лишен избирательных прав портной Снитков, использовавший наемный труд в 1905 г., а после исключительно занимавшийся личным трудом. Жительница деревни Овчино Ивана была лишена избирательных прав только потому, что ее муж был торговцем. При этом Иванова с мужем не жила с 1917 г. и с этого же времени занималась своим трудом. В деревне Величково был лишен

⁵ Не дадим кулачью развалить колхоз // Коммуна. 1930. № 75 (3454). 17 марта.

⁶ Головопашство // Там же. № 81 (3460). 23 марта.

⁷ Булычев. Фроловские сельсоветчики – вредители коллективизации // Там же. № 84 (3463). 26 марта.

⁸ Вопреки директивам партии // Там же. № 81 (3460). 23 марта.

⁹ Стенограмма совещания при секретариате Московского комитета ВКП(б) о ходе весенней посевной кампании и коллективизации в Московской области 19 февраля 1930 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 12. Д. 136. Л. 51.

избирательных прав как барышник Михаил Коноплев. Впоследствии выяснилось, что с десятилетнего возраста до 1929 г. он был пастухом и только в 1929 г. один раз перепродал пару лошадей¹⁰.

Недопустимые перегибы происходили при обобществлении скота и имущества. В Перемышльском районе обобществлялось все, вплоть до кур. В отдельных селах обобществление дошло до вопиющих безобразий. Так, в деревне Торчево особо ретивые работники в первый день решили обобществить лошадей, на другой день – коров, на третий – мелкий скот и на четвертый – птицу. В результате этого в районе наблюдался массовый убой мелкого скота и птицы. В селе Нижние Подгоричи только в одну ночь перерезали 200 штук племенных гусей¹¹. В деревне Городня Калужского района в одном из колхозов при обобществлении производили обыски, обобществляли все, вплоть до ложек¹².

Серьезные нарушения фиксировались и при сборе семенного фонда. В Березовском сельсовете Черепетского района бригадой была создана чрезвычайная комиссия по сбору семфонда, которая делала обыски и запугивала тем, что за его несдачу будут брать штраф в пятикратном размере¹³. Фроловский сельсовет Калужского района при сборе семенного фонда требовал от бедняков его полной ссыпки под страхом описи имущества¹⁴.

Насилие и принуждение во многом способствовали стремительному росту коллективизации в Калужском округе. Уже к 20 февраля 1930 г. 4 района округа (Перемышльский, Малоярославецкий, Бабынинский, Ферзиковский) вплотную подошли к окончанию коллективизации, имея более 95% коллективизированных хозяйств. Еще в трех районах (Калужский, Детчинский, Боровский) уровень коллективизации составлял более 80%¹⁵. Выступая в феврале 1930 г. на совещании окружных и районных секретарей руководитель Калужского округа Н.М. Блинов отмечал: «Мы подтянулись за время, прошедшее после январского пленума МК, как следует: 80 процентов коллективизированных хозяйств в середине февраля» [4, с. 195]. По уровню коллективизации Калужский

¹⁰ Мало признать свои ошибки, надо смело по-большевистски исправить их // Коммуна. 1930. № 113 (3492). 24 апреля.

¹¹ Козлов А. Извлечь политический урок // Там же. № 77 (3456). 19 марта.

¹² Сковрцов. Закрепим успехи коллективизации. Бороться с оппортунизмом на практике и деличеством // Там же. № 83 (3462). 25 марта.

¹³ Белов. Перегибы, ошибки, недочеты // Там же. № 78 (3457). 20 марта.

¹⁴ Бульчев. Фроловские сельсоветчики – вредители коллективизации // Там же. № 84 (3463). 26 марта.

¹⁵ Кто и какими темпами движется к округу-колхозу // Там же. № 52 (3431). 22 февраля.

округ к 1 марта вышел на третье место в области [7, с. 325], а сама Московская область поднялась на шестое место в РСФСР (72,8%), опережая даже ряд зерновых регионов, где предусматривалась коллективизация в первую очередь [Там же, с. 289].

Одновременно с коллективизацией на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [Там же, с. 126–130] осуществлялась политика раскулачивания. Постановление предусматривало деление кулаков на три категории, которые подлежали либо ликвидации путем заключения в концлагеря или расстрелу (первая категория), либо высылке в отдаленные местности СССР и отдаленные пределы края (вторая категория), либо расселению в пределах района на новых участках (третья категория) [Там же, с. 126–127]. Постановление определяло также порядок конфискации у кулаков имущества и характер его дальнейшего использования [Там же, с. 126, 128–129].

В Калужском округе репрессивные мероприятия в отношении кулацких хозяйств развернулись еще до принятия этого постановления. Уже на начало февраля 1930 г. в Калужском округе было раскулачено 247 хозяйств. В Бабынинском районе было раскулачено 60 хозяйств, в Детчинском – 10, Калужском – 21, Малоярославецком – 27, Перемышльском – 70, Ферзиковском – 24 и Угодско-Заводском – 35¹⁶.

При проведении данной политики нередко под раскулачивание попадали не только хозяйства зажиточных крестьян, но и хозяйства середняков, сельской интеллигенции и т.д. Такие случаи фиксировались и в Калужском округе. Так, в деревне Дубровка Детчинского района было раскулачено хозяйство Майоровой – середнячки, у которой сын служил в Красной армии. Поводом для раскулачивания послужило то, что Майорова до революции торговала нитками, иглами и т.д. В селе Пересоловики Черепетского района подверглась раскулачиванию учительница, имевшая 25-тилетний стаж. В селе Черепети того же района была раскулачена семья Троицкого как служителя культа. Впоследствии выяснилось, что Троицкий умер в первые годы революции, а его сын работал агрономом¹⁷.

Сама же политика раскулачивания сплошь и рядом носила мародерско-грабительский характер, когда у раскулаченных производилась конфискация порой всего имущества, вплоть до домашних мелочей.

¹⁶ Говорят цифры. Раскулачивание // Коммуна. 1930. № 33 (3412). 3 февраля.

¹⁷ Бор. Как нарушались директивы партии о раскулачивании // Там же. № 113 (3492). 24 апреля.

Так, в Угодско-Заводском районе при конфискации имущества прихватывали имущество и личного пользования: постельное белье, горшки, чугуны, платье и т.д.¹⁸ В Калужском районе был ряд случаев раскулачивания лишенцев, у которых фактически ничего в хозяйстве уже не было. В изъятие входили даже такие вещи, как деревянные ложки¹⁹.

Нередко значительная часть имущества раскулаченных крестьян растаскивалась и расхищалась местными работниками. Так, в Угодско-Заводском районе имущество личного пользования, изъятые у кулаков бригадами, производящими раскулачивание, описывалось, вкладывалось в сундуки, опечатывалось и направлялось на хранение в склад угодско-заводского потребительского общества. В течение нескольких дней на складе появились горы таких сундуков, вопрос о распределении которых должны были решить вышестоящие районные организации. Ответственность за хранение складываемого имущества была возложена на председателя угодско-заводского потребобщества Акимова. Ему же были переданы ключи от склада. Акимов, воспользовавшись доверием, вместе со своим заместителем Хохловым, их женами и еще тремя рабочими решили поживиться. В течение двух дней содержимое сундуков растаскивалось преступной пятеркой. Отбиралось лучшее и передавалось женам, кумовьям и родственникам²⁰.

Разгул насилия и беззакония, захлестнувший деревню, вызвал резкое нарастание антиколхозных настроений со стороны крестьян. Так, одним из проявлений таких настроений стало широкое распространение всевозможных слухов. Слухи были одной из наиболее распространенных форм пассивного сопротивления крестьян колхозному строительству. Широкое хождение они получили и в Калужском округе. Так, в Детчинском районе кулаки распускали слухи о том, что «колхозникам будут ставить печать на лбу и животе», «спать колхозники будут вместе – мужчины и женщины на общих нарах под одним 70-ти метровым одеялом», «загонят в коммуны, все обобщат, а потом выгонят – иди куда хочешь»²¹. В деревне Темешево Бабынинского района циркулировали слухи о том, что «в колхозе заставляют бедняков и середняков собак водить, драть их и мясом их кормиться»²². В деревнях Спас, Угра

¹⁸ Крымский Г. К суровой ответственности вредителей революционных мероприятий // Коммуна. 1930. № 37 (3416). 7 февраля.

¹⁹ Белов. Перегибы, ошибки, недочеты // Там же. № 78 (3457). 20 марта.

²⁰ Крымский Г. К суровой ответственности вредителей революционных мероприятий // Там же. № 37 (3416). 7 февраля.

²¹ Кулацкие агитпропы (Информсводка Как прошла отчетная кампания в округах Московской области) // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлисполком). Оп. 1. Д. 655. Л. 14.

²² Карасев И. Бабынино сегодня // Коммуна. 1930. № 27 (3406). 28 января.

и Городок Калужского района среди колхозников кулаками распространялись такие слухи: «Отберут скоро у вас скотину, будут осматривать сундуки и излишки отбирать для бедноты»²³.

Широкое распространение в Калужском округе Московской области получили и радикальные формы протеста. Причем Московская область относилась к тем регионам страны, где антиколхозное движение приобрело особенную остроту, вплоть до вооруженных столкновений и погромов [7, с. 324]. Только в январе–марте 1930 г. в Московской области произошло 230 массовых выступлений на почве насильственной коллективизации [Там же, с. 326]. В самом Калужском округе за этот период произошло 25 массовых выступлений против коллективизации, в которых приняло участие более 1800 чел. [Там же]. По количеству массовых выступлений Калужский округ «уступал» только Рязанскому и Бежецкому округам области [Там же]. За тот же период в округе было совершено 9 терактов [7, с. 327]. За период с 1 января по 17 февраля 1930 г. в Калужском округе было также зарегистрировано 4 случая распространения антисоветских листовок [5, с. 692].

К середине весны 1930 г. положение в деревне настолько обострилось, что руководство страны вынуждено было принять экстренные меры по успокоению и стабилизации ситуации. Так, 2 марта 1930 г. вышла статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов»²⁴, а 14 марта – постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» [7, с. 303–305]. В них назывались главные ошибки в колхозном движении: организация «бумажных» колхозов, нарушение принципа добровольности, нежелание учитывать разнобразные условия в различных районах страны, перескакивание через артель к коммуне, принудительное обобществление жилых построек, скота и др. ЦК ВКП(б) обязал местные парторганизации прекратить насилие и устранить допущенные ошибки.

С появлением статьи Сталина и обнародованием постановления ЦК насильственно созданные колхозы стали стремительно разваливаться. Только за первую половину марта 1930 г. процент коллективизированных хозяйств в Калужском округе упал с 82 до 15,6%, а сам округ по уровню коллективизации откатился на последнее место в области [Там же, с. 325].

В апреле 1930 г. ЦК ВКП(б), заслушав отчет о работе Калужского окружкома партии, резко осудил ошибки окружкома в деле коллективизации сельского хозяйства. Вот что говорилось в постановлении ЦК:

²³ Клевета и сплетня – орудие кулака // Коммуна. 1930. № 73 (3452). 15 марта.

²⁴ Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. С. 191–199.

«Калужский окружком не учел отсталости сельского хозяйства округа и совершил политическую ошибку, поставив перед партийными организациями задачу добиться 100-процентной коллективизации округа к 1 марта 1930 года. В ходе коллективизации имелись элементы администрирования и командования, отсутствовало внимание к закреплению колхозов, распространялась установка на обобществление мелкого скота и птицы» [1, с. 219–220].

Подобные постановления принимались и районными комитетами партии Калужского округа. Так, в резолюции пленума Черепетского райкома ВКП(б) говорилось: «В процессе хода коллективизации были допущены грубые головотяпские искривления линии партии: нарушался принцип добровольности в колхозном строительстве, наблюдались случаи администрирования и запугивания, обобществления всего молочного и мелкого скота, случаи неправильного раскулачивания и лишения избирательных прав середняков, недопустимое администрирование при закрытии церквей без достаточной подготовительной работы среди масс и т.д. Все эти перегибы и погоня за дутыми процентами коллективизации, при слабой работе с батрачко-бедняцкими массами и особенно среди женщин и сезонников, дали... огромный отлив из колхозов»²⁵.

Основные ошибки при проведении коллективизации и раскулачивания были озвучены и в статье руководителя Калужского окружкома партии Н.М. Блинова, опубликованной в газете «Коммуна» в конце мая 1930 г. В этой статье он писал: «Наряду с достижениями у нас имелись недостатки и крупные политические ошибки, искривляющие линию партии. Первая политическая ошибка, которую допустил окружной комитет партии, выражается в том, что на январском пленуме был подменен важнейший и совершенно правильный лозунг партии о ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации – лозунгом: “ликвидация кулачества и новой буржуазии в целом, как класса”. Это привело на практике к грубейшему искривлению линии партии. Вторая крупная политическая ошибка была допущена в деле коллективизации сельского хозяйства. Окружной комитет, не учтя крайнюю отсталость сельского хозяйства округа и его потребительский характер, как это указано в решениях ЦК ВКП(б), не учтя слабо поставленной массовой политической работы с батрацкими, бедняцкими и середняцкими массами, с отходниками и женщинами, стал ориентировать организацию на 100% коллективизацию округа весной этого года, вопреки

²⁵ Против отстающих и против забегающих вперед. Из резолюции расширенного пленума Черепетского районного комитета ВКП(б) // Коммуна. 1930. № 108 (3487). 19 апреля.

решениям ЦК ВКП(б) от 6 января 1930 г. Эти политические ошибки, погоня за вздутыми цифрами коллективизации, привели на практике к антисередняцким перегибам, к извращениям линии партии, подмене принципа добровольности коллективизации — администрированием, насилием по отношению к середнякам и даже беднякам... Эти антисередняцкие перегибы и слабость массовой политической работы среди батрацко-бедняцких и середняцких масс в округе привели к... массовому выходу из колхозов»²⁶.

Несмотря на признание ошибок, многие местные работники были привлечены к административной и судебной ответственности. Так, только по 4 районам Калужского округа на 13 апреля за незаконное лишение избирательных прав и неправильное раскулачивание было привлечено к ответственности 47 работников [2, с. 455].

В то же время некоторые местные работники и организации выражали недовольство и гнев за то, что вся вина за допущенные ошибки была возложена только на них. Так, Утешевская ячейка комсомола Бабынинского райкома партии вообще отказалась признавать свои ошибки в деле коллективизации: «Мы не виноваты, не виноват и райком, потому что мы ваши исполнители, а виноват в этих ошибках окружком, областком, да и вообще линия партии, в частности линия ЦК ВКП(б) неверна. Никаких ошибок мы исправлять не будем, потому что мы их не делали и у нас их нет»²⁷. В деревне Сашкино Ферзиковского района секретарь ячейки ВКП(б) Греков 1 мая в своем приветствии сказал: «Вся партия делала ошибки при коллективизации и нельзя критиковать низовые звенья, потому что они не виноваты»²⁸.

После выхода постановления ЦК от 14 марта по всем районам округа развернулась деятельность различных комиссий по исправлению допущенных ошибок. Прежде всего проверялись жалобы на неправильное раскулачивание. Так, в Калужском районе из намеченных сельсоветами к раскулачиванию 71 хозяйства райисполком отменил раскулачивание в отношении 13 хозяйств. Из оставшихся 58 хозяйств окружная комиссия отменила раскулачивание в отношении еще 37 хозяйств²⁹.

²⁶ Под руководством ленинского ЦК ВКП(б) и МК будем по-большевистски бороться за генеральную линию партии (Статья секретаря окружного комитета ВКП(б) товарища Блинова) // Коммуна. 1930. № 142 (3521). 25 мая.

²⁷ Кузнецов М., Марков С. Бабынинский райком комсомола не хочет признавать и исправлять свои ошибки // Там же. № 118 (3497). 29 апреля.

²⁸ Недопустимое затишье. В Ферзиковском районе ошибки исправляются очень пассивно // Там же. № 129 (3508). 12 мая.

²⁹ Решительно исправлять перегибы. Окружная комиссия отменила неправильные решения районных исполнительных комитетов по раскулачиванию // Там же. № 142 (3521). 25 мая.

В Перемышльском районе по спискам сельсоветов и общих собраний предполагалось раскулачить 245 хозяйств. Из них райисполком утвердил раскулачивание 111 хозяйств. Но жалобы на неправильное раскулачивание в райисполком продолжали поступать, и уже на основании этих жалоб при вторичном рассмотрении райисполком отменил раскулачивание еще 68 хозяйств. Из оставшихся 43 хозяйств по этому району окружная комиссия утвердила раскулачивание только 15 хозяйств³⁰. В целом же количество неправильно раскулаченных крестьянских хозяйств в Калужском округе была весьма значительным. Из 1082 раскулаченных хозяйств райисполкомы отменили раскулачивание 875 хозяйств. Из оставшегося количества окружная комиссия утвердила раскулачивание 91 хозяйства³¹.

Также рассматривались жалобы на неправомерное лишение избирательных прав. Так, только по трем районам Калужского округа (Ферзиковский, Бабынинский, Боровский) окружная комиссия из 790 жалоб на неправильное лишение избирательных прав удовлетворила 320³².

Несмотря на исправление некоторых ошибок и перегибов, уровень коллективизации в Калужском округе продолжал снижаться. На 1 июня 1930 г. он составлял всего 4,6%³³. Причем этот уровень сохранялся без изменений вплоть до 10 августа 1930 г.³⁴ В самой Московской области уровень коллективизации к 1 августу 1930 г. составлял всего 7% [7, с. 572].

Таким образом, начальный этап коллективизации был одним из самых трагичных в истории колхозного строительства в изучаемом регионе. Выполняя директивы и планы вышестоящих органов по вовлечению крестьян в колхозы, уполномоченные, бригадники и низовые советские работники повсеместно нарушали принцип добровольности и широко прибегали к административному нажиму, угрозам и репрессиям. Это вызвало широкую волну сопротивления крестьян, за которой последовал массовый распад колхозов. В результате этого процент коллективизации

³⁰ Решительно исправлять перегибы. Окружная комиссия отменила неправильные решения районных исполнительных комитетов по раскулачиванию // Коммуна. 1930. № 142 (3521). 25 мая.

³¹ Сведения о раскулаченных хозяйствах по округам Московской области (по данным на 5 августа 1930 г.) // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлсполком). Оп. 5. Д. 493. Л. 100.

³² Мало признать свои ошибки, надо смело по-большевистски исправить их // Коммуна. 1930. № 113 (3492). 24 апреля.

³³ Докладная записка о недочетах колхозного строительства по Московской области (по материалам на 25 августа 1930 г.) // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 11. Д. 901. Л. 59.

³⁴ Там же.

в Калужском округе к лету 1930 г. снизился до уровня января 1930 г. Однако массовые протесты и развал колхозов не повлияли на планы сталинского руководства завершить коллективизацию сельского хозяйства.

Библиографический список / References

1. Белов В.Д. Калужская партийная организация в период построения и упрочения социализма в СССР (1926 год – июнь 1941 года) // Очерки истории Калужской организации КПСС. Калуга, 1967. С. 191–248. [Belov V.D. The Kaluga party organization during the period of building and strengthening socialism in the USSR (1926 – June 1941). *Ocherki istorii Kaluzhskoj organizacii KPSS*. Kaluga, 1967. Pp. 191–248. (In Rus..)]
2. Белова И.Б. Особенности коллективизации сельского хозяйства в районах бывшей Калужской губернии в 1930 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 450–457. [Belova I.B. Features of collectivization of agriculture in the regions of the former Kaluga province in 1930. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regionalnogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv.* Moscow; Bryansk, 2012. Pp. 450–457. (In Rus..)]
3. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. [Kiryanova E.A. *Kollektivizatsiya derevni Centra Rossii (1929–1932 gody)* [Collectivization of the village of the Center of Russia (1929–1932)]. Ryazan, 2006.]
4. Козлова Л.А. К победе колхозного строя. Борьба Московской партийной организации за подготовку и проведение коллективизации. М., 1971. [Kozlova L.A. *K pobede kolhoznogo stroya. Borba Moskovskoj partinoy organizacii za podgotovku i provedenie kollektivizatsii* [To the victory of the collective farm system. The struggle of the Moscow Party organization for the preparation and conduct of collectivization]. Moscow, 1971.]
5. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1932–1934 гг.): Сборник документов. Т. 8: 1930. Ч. 1. М., 2008. [«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1932–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1932–1934)]. Collection of documents. Vol. 8: 1930. Part 1. Moscow, 2008.]
6. Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М., 2011. [Spravochnik po administrativno-territorialnomu deleniyu Moskovskoj oblasti 1929–2004 gg. [Handbook of administrative-territorial division of the Moscow region 1929–2004]. Moscow, 2011.]
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. [Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials]. In 5 vols. Vol. 2. November 1929 – December 1930. Moscow, 2000.]

Статья поступила в редакцию 03.07.2025, принята к публикации 10.08.2025
The article was received on 03.07.2025, accepted for publication 10.08.2025

Об авторе / About the author

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; преподаватель колледжа, Московский финансово-юридический университет МФЮА

Pavel A. Rybakov – PhD in History; history lecturer at the College, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russian Federation

E-mail: rybakov_ok@mail.ru